

3. Иудаизм и античность

Многие западные теологи и историки христианства стремились и стремятся до сих пор представить апостола Павла выразителем реформированного раввинистического иудаизма. Такой взгляд кажется как-будто логичным, ибо согласно «Деяниям апостолов» Павел сначала был фарисеем, а его переход в христианство произошел в возрасте сложившегося мировоззрения. Если бы древнее христианство отличалось от ветхозаветного иудаизма лишь признанием или непризнанием личности Иисуса Христа, то, действительно, достаточно было Павлу уверовать в услышанного им Христа, чтобы превратиться в христианина. Но если согласиться с тем, что Учение Христа было антагонистично ветхозаветному иудаизму, то одной лишь веры в Иисуса Христа Павлу, чтобы стать последователем этого Учения, было бы явно недостаточно. Чтобы превратиться из яростного противника новой религии в ее духовного лидера, требовалась кардинальная переоценка ценностей.

Павел до обращения в христианство был еврейским мудрецом — равви. Такие уважаемые мудрецы, как Гиллель и Гамалиил, и разоблачаемые в христианских кумранских текстах лживые и лукавые фарисеи — это совершенно разные явления. Ранее мы показали (см. «Кумран и Христос»), что в еврейской традиции были различные, весьма отличающиеся друг от друга религиозные течения: йахвисты и элохисты, партии фарисеев, ессеев, кумраниты и т.д. К которому из них тяготел Павел? Поздняя еврейская традиция причислила мудрецов еврейской Академии исключительно к партии фарисеев, но так ли это было в действительности? Если современные ученые не берут на себя смелость однозначно утверждать о доктринальном содержании ветхозаветного иудаизма, то откуда известно, что апостол Павел, обучаясь у Гамалиила, принадлежал к тому направлению еврейской мысли и экзегезы, которое впоследствии нашло отражение в Талмуде — идеологии фарисеев?

Эллис и Гарнер в Новом Библейском словаре предлагают видеть христианство по сути чуть ли не разновидностью иудаизма:

«...Учение Павла строится на иудаистских моделях (как совершенно верно понял Швейцер)... Иудаистское или эллинистическое происхождение имеют мыслительные модели Павла? Кабиш и Швейцер настаивают на иудаистском происхождении»¹.

¹ Новый Библейский словарь. В двух частях / Пер. с англ. Ч.1. СПб., 1999. С.251 (Эллис Е., Гарнер Г., статья «Павел»).

Словарь приводит и другую точку зрения на отношения между Павлом и иудаизмом: «школа Истории религии (Religionsgeschichte) не обнаружила никаких доказательств тому, что основы сакрального мистицизма Павла лежат в иудаизме... Она (эта школа) основывалась на образе Павла — “апостола язычников”, как его видел Баур... Её представители (особенно Райценштайн и Буссе) интерпретировали паулинизм¹ в рамках восточно-эллинстических обрядовых религий...(другие исследователи впоследствии отказались от обрядовых параллелей и сконцентрировались на связях между учением Павла и гностицизмом)»².

Авторы статьи — Эллис и Гарнер — категорически возражают против такой эллинизации христианства и «мышления Павла»:

“Сегодня широко признается, что Павел рассматривал человека в ветхозаветно-иудаистских рамках, а не с точки зрения платоновского дуализма (ср.: Bultmann. Theology 1. P. 209; Cullmann. Immortality. P. 28-39; Robinson J.A.T. The Body, 1952). Соборное «Тело Христово» также лучше понимать не в смысле гностической мифологии или стоической метафоры (что делает ряд упоминаемых в статье ученых. — *А.В.*), а как ветхозаветно-иудаистскую концепцию единства по плоти... Шедд³ правильно видит логическое обоснование учения Павла в реализме семитических мыслительных моделей, когда они обращены к Мессии и его народу”⁴.

На чем же строится уверенность Эллиса и Гарнера в правоте Швейцера об иудеоподобии христианства, равно как и в так называемом «семитизме мыслительных моделей» апостола Павла? Оказывается, на свидетельствах Кумрана! Авторы статьи об апостоле Павле пишут:

“Швейцер предсказал, что «эллинизированное» учение Павла было компромиссом. Его предсказания более чем подтвердились открытием Свитков Мертвого моря (1947 г.)...”⁵.

И далее:

“Дейвис и другие ученые показали, что кумранский и талмудический иудаизм составляют основу многих концепций Павла,

¹ *Паулинизм* (павлинизм) — учение ап. Павла, как правило, в противопоставлении его иудеохристианству Петра, Иакова и Иоанна. — *А.В.*

² Новый Библиейский словарь. В двух частях / Пер. с англ. Ч.1. СПб., 1999. С.252-253 (Эллис Е., Гарнер Г., статья «Павел»).

³ Shedd R.P. Man in Community. 1958.

⁴ Новый Библиейский словарь. В двух частях / Пер. с англ. Ч.1. СПб., 1999. С.255 (Эллис Е., Гарнер Г., статья «Павел»).

⁵ Там же. С.253

которые раньше (до Кумранских открытий. — *А.В.*) принимались за «эллинистические»... Свитки Мертвого моря замечательным образом подтвердили, что **основа учения Павла и Нового Завета — иудаизм**¹. (Ср.: Bruce. Qumran Texts. P. 66-77; Flusser; Black M. The Scrolls and Christian Origins, 1961; Ellis. Prophecy. P. 35, 57, 213-220; Murphy-O'Connor)¹.

Взгляд на иудаистские истоки христианства, взятый за основу даже в христианском энциклопедическом издании, далеко не единичен. Попытки использования кумранских рукописей для обоснования иудаистских основ христианства, для доказательства якобы некоего «компромисса» между иудаизмом и «язычеством», представление евангельского Иисуса Христа подражателем кумранского Учителя Праведности, как мы показали в своем исследовании «Кумран и Христос», представляют собою очередное покушение на самую суть христианства. Подобные взгляды при их массовом укоренении чреваты коварным разрушением самых основ христианской религии, размыванием их иудаизмом. Можно ли забывать, что Иисус был распят как раз теми самыми «иудаистами», которые, как полагают авторы Нового Библейского словаря, будто бы «целиком обусловили идейный фон христианства»? Иудаизация христианства — в сущности есть повторное распятие Христа.

В своем исследовании «Кумран и Христос» мы особо подчеркивали, что причина подобного глубоко ошибочного понимания кумранских рукописей и истории Кумранской общины объясняется тысячелетними заблуждениями относительно доктринальных истоков и подлинной истории иудаизма и христианства. Эллис и Гарнер — авторы статьи цитируемого нами словаря, говоря об «иудаизме кумранитов», предупреждают, что ранний иудаизм «является понятием достаточно расплывчатым». Однако, невзирая на уместное предупреждение, используя данный «расплывчатый» термин, далее они приходят к весьма радикальным выводам. Известно, что кумраниты называли храмовый (саддукейский) иудаизм — *нечестивым*, а фарисейский иудаизм — *лживым*. Неужели же «нечестивость» и «лживость» как «мыслительные модели» Павла составили основу его христианства? Если же говорить о том лучшем, что проповедовали мудрецы и пророки Израиля, то при знакомстве с наследием Древней Греции, Индии и Египта окажется, что их «мыслительные модели» были универсальными для всех мудрецов древности, независимо от «национальности» их носителей. Поэто-

¹ Выделено нами. — *А.В.*

му нет никаких оснований «мыслительные модели» ап. Павла односторонне сводить к иудаизму или эллинизму. Сравнительное религиоведение и этнология уже давно доказали удивительную схожесть мифов и верований народов мира, совпадение «мыслительных моделей», иногда в мельчайших деталях, даже на разделенных океанами континентах.

Христианство стало новым духовным явлением, распространившимся среди народов, созвучных духу эллинской культуры. Античная же культура, широко шагнувшая по миру благодаря завоеваниям Александра Македонского, как известно, во многом была обязана Египту¹ и, как доказывает ряд ученых, — Индии². Именно на базе греческой культуры состоялся расцвет Византии и Православия. Лучшая и большая часть патристики написана на греческом языке. Даже имя Спасителя в христианстве — *Иисус Христос* — греческое. В Новом Библейском словаре признается, что «греческий язык оказывал влияние на лексику коптского, арамейского языка..., на раввинистический еврейский и сирийский, им пользовались на западе на обширных территориях... Язык Нового Завета... отражает традиции... практической философии. Его корни — в научных трудах Аристотеля и Теофраста, в трудах медицинской школы Гиппократа»³. Немецкий историк и философ И.Г.Гердер писал об удивительном феномене греческого языка:

“Греческий язык — самый развитый в мире, греческая мифология — самая совершенная в своем роде, если рассматривать ее в связи с временем и местом, когда она существовала. Но кто же даровал племенам, некогда столь грубым, такой язык, такую поэзию и пластическую истину?... Только язык греческий (в сравнении с прочими языками) словно возник из пения, ибо в пении и в поэзии и в давней вольной жизни сложился он, среди всех языков мира, и стал языком Муз”⁴.

Необходимо подчеркнуть, что греческая культура — это наиболее известный в древнем мире пример вселенского универсализма. Мировые завоевания греков оказались возможны не по причине какой-то их национально выраженной специфики, а по причине включенности в греческую культуру общечеловеческих ценностей, достижений всего человечества. В этом смысле ненависть идеоло-

¹ См.: Плутарх. Исида и Осирис.

² См.: Владимиров А. В поисках Православия. М., 2000. С.92-94.

³ Новый Библейский словарь. В двух частях /Пер. с англ. Ч.2. СПб., 2001. С.994-996.

⁴ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.354-355.

гов *йахвического иудаизма* к эллинизму вполне можно рассматривать как отвержение лучших устремлений всего человечества, как противопоставление «избранного народа» всему человечеству.

Ранние апологеты церкви, собственно, не отрицали влияния греческой культуры на христианство и, прежде всего, её философии как вершины античного гения. Однако нередко эта преемственность христианства от греческой культуры представлялась в совершенно гипертрофированном виде. Обнаруживая у античных мыслителей те же идеи, что и в евангельских или библейских повествованиях, и которые, как сегодня установлено, представляли собой достояние сакральной мудрости Древнего мира (Индии, Египта и Шумера), апологеты христианства, стремясь доказать его полную уникальность, вынуждены были идти на разнообразные ухищрения.

Приведем любопытный пример. Платон, этот величайший Посвященный древности, в одном из загадочных мест второй книги «Государства» (361e-362a) еще за четыре века до евангельского Распятия показал образ «распятого праведника», который стал объектом всяческих гонений, вплоть до казни на кресте, из-за попыток практиковать возвышенную жизнь, чуждую всякого соглашательства, хотя ему и удалось добиться безмятежного и достойного уважения существования. Для церковно-ориентированного мышления такие удивительные совпадения древних записей с доктриной Евангелия являлись «чудесным предвосхищением страстей и смерти Христовой». Так думал, например, Климент Александрийский. Иначе говоря, достижения высокого морального благородства и глубина мудрости представителей классической греческой культуры, по мысли ранних апологетов церкви¹, стали возможными благодаря *случайному* «рассеянию» Божественного Слова в нехристианском мире, тогда как евреям такое Слово было дано *непосредственно*.

В иных случаях апологеты церкви заявляли о прямом текстуальном влиянии Библии на мудрецов античности. «Во II веке до Р.Х., — объяснял происхождение этого глубокого заблуждения Д.Штраус, — некий александрийский еврей, Аристокл, желая рекомендовать иудаизм миру греков устами их собственных авторитетов, собрал мнимые стихи древнейших греческих поэтов или составил таковые сам... Теперь нам представляется едва понятной та дерзость, с которой этот иудей уверял, будто Орфей уже воспе-

¹ Апологеты церкви: Иустин, Афинагор, Минуций Феликс, ранний Тертуллиан.

вал Авраама, Моисея и десять заповедей, а Гомер славословил завершение миротворения в седьмой день и освящение субботы. Однако еврей Аристул отлично понимал людей: с полным доверием отнеслись к нему не только его соплеменники, тщеславию которых он польстил, но даже ученые отцы христианской церкви, которые, подобно Клименту Александрийскому и Евсевию, с полным доверием стали ссылаться на сочиненные им цитаты»¹. Был ли названный Аристул родоначальником наглого обмана, не имеет значения, но известно, что во II в. апологеты церкви уверенно отстаивали мнение, будто поэты и философы Древней Греции целиком позаимствовали главные идеи своих произведений из Ветхого Завета. Пристрастность иудеев и отцов Ранней церкви вполне понятна. Но сегодня, по прошествии двух тысячелетий, не правильнее ли сказать, что христианское Откровение оказалось точно под тем же самым лучом «рассеяния божественного слова», что и *иные* Священные Писания и учения мудрецов древности? Что и другие образы иных верований (Зороастр, Кришна, Орфей, Осирис, Будда и др.) были даны тем же *Логосом*?

Получается, что между христианством и восточным миром, его наиболее почитаемыми доктринами: зороастризм, буддизм, пифагореизм и платонизм, никогда не существовало пропасти, пока она не была искусственно вырыта церковными догматизаторами. И, напротив, то, что современная христианская цивилизация сохраняет от йахвизма, появилось в ней не благодаря *подлинному* *изначальному христианству* (Заветам Христа), а вопреки ему. Эта была болезнь, раковая опухоль, заботливо перенесенная из отжившего ветхого мира отдельными политиками и иудействующими ретроградами.

Современные авторы, в том числе и теологи, помещают в центр спора об иудизации-эллинизации христианства апостола Павла. Кем же он был на самом деле? Есть веские основания за неким *Ахером*, о котором рассказывается в Талмуде, полагать христианского Павла.

В своей статье «Paul, the Founder of Christianity» проф. Александр Уайлдер писал:

“В личности Ахера (из Талмуда. — *А.В.*) мы опознаем апостола Павла. Кажется, он был известен под разными именами.

¹ Штраус Д. Жизнь Иисуса / Пер. с нем. // Сб.: Жизнь Иисуса. Харьков, 2000. С.70-71.

Его называли Савлом, очевидно, вследствие его видения о Рае, так как Савл (Шавл), или Шеол, есть еврейское название потустороннего мира. Павел, что просто означает «малыш», было чем-то вроде прозвища. Ахер, т.е. «другой», был эпитет в Библии для людей, стоящих вне иудейского государства; и был присвоен ему за то, что он распространил свою деятельность на неевреев. Настоящее его имя (согласно Талмуду. — А.В.) было Элиша бен Абуйя»¹.

В Талмуде утверждается², что Павел (Ахер) в действительности родился не в Тарсе, где, как думали грекофилы, он мог проникнуться эллинизмом, а в Иерусалиме. Он был не простым обойщиком палаток, а сыном очень богатого эллинизированного иудея, посчитавшего, что его капитал сильно не оскудеет, если он отдаст своего сына с малолетства в обучение к мудрецам Израиля. Павел (Ахер) был одним из четверых мудрецов Израиля, которым, согласно Талмуду, удалось подняться до Пардеса («Рая», или Обители Божественной Мудрости»), хотя здесь в рамках фарисейской апологетики утверждается, что Ахер, мол, эту мудрость не смог принять («ломал сучья» в Эдемском саду) (подробнее см. Приложение 2). «Учитывая образованность и раннюю известность Павла, — говорится в Новом Библейском словаре, — можно предположить, что он был из зажиточной семьи, занимавшей высокое общественное положение; данное предположение подтверждается фактом, что его племянник мог свободно входить в иерусалимскую крепость (Деян 23.16, 20)»³.

Согласно новозаветным текстам, Павел никогда не видел исторического Иисуса. Но вместе с тем можно предположить, что Павел был обучен основам христианства как раз тогда, когда он находился в Трансиорданской пустыне или когда три года пребывал в Дамаске (Гал 1.17; Деян 9.19 и дал.), т.е. получил посвящение от подлинных, еще живших учеников исторического Иисуса Христа. Кажется, «Деяния» в иносказательной форме повествуют о Посвящении Павла. Аналогичные посвящения в течение трех дней проходили все иные адепты, встречая в конце пути (в конце испытания) Христа⁴:

¹ Цит. по: Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Т.2. С.521.

² См. также: Е.П.Б.Т.Д. т.2/2, с.632-633; Разоблаченная Изида, т.1, с.31, 32; Теософский словарь, статья «Ахер». Подробнее см. Приложение 2.

³ Новый Библейский словарь. В двух частях / Пер. с англ. Ч.1. СПб., 1999. С.241 (Элис Е., Гарнер Г., статья «Павел»).

⁴ См.: Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002. С.507 («Сон Силоама»).

“Когда же он (Павел-Савл) шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать... Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск. И три дня он не видел, и не ел, и не пил. В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания!... встань и пойди... он (Павел) есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми... Анания пошел и вошел в дом и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа. И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился, и, приняв пищи, укрепился. И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске” (Деян 9.3-19).

Некоторые авторы считали, что «Павел в действительности был не учеником Христа, а вторым основателем христианства»¹. На наш взгляд, правильнее говорить не о «втором основателе», а о главном *организаторе*, или главном *созидателе*, института церквей и христианской религии как таковой, в том смысле, как они понимаются в социологии. Павел положил начало организации христианства, тогда как духовный импульс был дан Свыше и, как показано в нашем исследовании «Кумран и Христос», задолго до этого. Но время полной «материализации» названного *импульса*, если взглянуть на последовательность исторических событий, наступило только с началом *новой эры*, быть может, даже только во II веке. Христианство в качестве известной сегодня религии возникло спустя многие годы после ухода Иисуса и апостолов, и связано данное явление прежде всего с очередным циклом эволюции соответствующих народов, прежде всего, западных. Русское же Православие — совершенно иная эпоха, с новыми задачами и другими исполнителями.

¹ Рид (Wrede W., 1905) // Цит. по: Новый Библиейский словарь. В двух частях/ Пер. с англ. Ч.1. СПб., 1999. С.252.

Кем были спутники Иисуса

“Вспоминаю истинную жизнь Христа, какой это был сплошной ужас с момента Его выхода в народ для вручения ему Сокровищ Сердца и Ума. Можно ли было ожидать утончения и справедливого отношения к истинным духовным ценностям среди хотя бы и преданных рыбаков. Одиночество полное”.

*Е.И.Перих*¹

Вынесенное в эпиграф утверждение Е.И.Перих об окружении исторического Иисуса Христа сильно контрастирует с устоявшимся в церкви представлением об апостолах. Согласно распространенной версии, апостолы были единственным и самодостаточным звеном между Спасителем и Церковью (христианством). Например, Иоанн Мейендорф в книге «Византийское богословие» пишет: «Никак невозможно (для Церкви в целом. — *А.В.*) узнать о Христе и спасении нечто новое, тем более, превосходящее то, что апостолы, по слову одного из них, “слышали, что видели очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни” (1 Ин 1.1)»². И хотя, как пишет И.Мейендорф, «развитие» и «рост» в познании Христа приложимы лишь к индивидуальному опыту, но для Церкви в целом Истина, в которой были наставлены преемники апостолов, совершенна и исчерпывающа.

Это весьма парадоксальное заявление, притязающее скорее на идеал, нежели отражающее реальность. Ведь Церковь, собственно, как пишет тот же о. Иоанн, и состоит из «некоторого числа причащающихся, собравшихся вот в этом самом конкретном месте, где грешные мужчины и грешные женщины становятся “народом Божиим”»³. Получается, что, несмотря на «рост» и «совершенствование» индивидуальных сознаний верующих, Церковь продолжает оставаться в незыблемой полноте Истины, некогда полученной некоторыми её членами. Но это уже попахивает спиритуализмом, вынесением представлений сознания за пределы конкретного обладателя этим сознанием. Странно и то, что для постижения духовного явления, каковым в первую очередь и является Христос, привлекаются в качестве свидетелей органы чувств и человеческий рассудок («что слышали», «что видели»). Насколько известно, ни

¹ Перих Е.И. Письма в Америку (1948–1955). Т.3. М., 1996. Письмо от 16.04.48.

² Мейендорф И. Византийское богословие: Исторические направления и вероучение. М., 2001. С.27.

³ Там же. С.21.

одному святому ни в одной традиции не удалось объяснить, что такое *Откровение* или личное *ощущение* Бога. Любой язык или способы мировосприятия являются продуктом или средством, годным лишь для обычной жизни. Всё, что выходит за общепринятые, традиционные рамки, невозможно исчерпывающе передать. Человеку, никогда не любившему, нельзя объяснить, что такое любовь, почему и как она возникает. Слепому невозможно объяснить красоту сверкающей на утреннем солнце росы. Существует громадный пласт человеческого бытия, познаваемый исключительно в *личном опыте*. То, что человечеству в целом нечто известно, для отдельного индивида будет пустым словом до тех пор, пока он сам это нечто не испытает и не осознает. Мнение Православия о том, что Истина не может уместиться в одной-единственной голове (скажем, в голове Римского папы) и пребывает не только в данной голове, — совершенно справедливо, ибо, по большому счету, Истина и есть Сам Бог. Но каким же образом тогда эта Истина оказалась ограниченной рамками одной-единственной конфессии, а тем более единственной среди многих церквей?

Замечательным, как отмечает протопр. И.Мейендорф, положением Православия является то, что

“язык человеческий... неадекватен *вполне* самой Истине, да и исчерпать Ее ему не под силу. Следовательно, Писание и власти Церковные не могут считаться единственными «источниками» богословия... Истинный богослов волен выражать свою собственную встречу с Истиной. Таково аутентичное послание, выдерживаемое наиболее явственно и недвусмысленно в византийской «мистической традиции» Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова и Григория Паламы”¹.

Прот. Сергей Булгаков настаивал, что

“никогда в Церкви не было догматического определения о том, что не может быть новых догматов и что все они исчерпываются определениями семи Вселенских соборов. Такое глубоко антиисторичное воззрение не может найти себе догматического обоснования. Церковь есть жизнь, творчество, порыв. Закон безостановочного движения имеет здесь силу более, чем где-либо”².

¹ Мейендорф И. Византийское богословие: Исторические направления и вероучение. М., 2001. С.30.

² Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С.12.

В таком случае Истина как данность — есть запредельная для человечества величина, и для отдельно взятого человека она *н е н а х о д и т с я* (в Церкви в целом, у папы или еще где-либо), а *есть процесс, личная встреча, сердечное откровение*.

Участие иудеев в создании христианской веры и религии, как мы показали, сильно преувеличено. О том, кем в действительности были апостолы Петр, Иаков и Иоанн, если они по евангельской версии жили после исторического Иисуса спустя более чем 150 — 180 лет¹, можно строить какие угодно предположения. Фактом остается то, что если на обученного всем таинствам танаимов апостола Павла в конце концов снизошло Озарение, то ничего подобного о противодействовавших Павлу апостолах Петре, Иакове и Иоанне не сообщается, если не считать историю о нисхождении на них *небесного пламени* в праздник Пятидесятницы:

“...и начали говорить на иных языках... Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием... Иные, насмехаясь, говорили: они напилась сладкого вина” (Деян 2.4-13).

Считается, что сей момент был величайшим в истории Церкви, ибо именно тогда апостолы и прочие присутствовавшие «исполнились Духа Святого» (Деян 2.4). С этого времени, подобно эстафете от одних другим, передавалась христианская преемственность. Но такое толкование указанного эпизода из «Деяний», как, возможно, и сам данный эпизод, вероятнее всего, представляет собой просто выдумку последователей Петра, нуждавшихся в подтверждении особых прав церкви и священноначалия. Ни в одной духовной традиции нет сообщений о *коллективном* Озарении. Озарение, или Просветление — феномен строго индивидуальный. По мнению ученых, «коллективное многоговoreние», описанное в «Деяниях», является, скорее всего, известным науке феноменом — *глоссолалией* (бессвязным медуимическим говорением). Такое говорение осуждалось даже ап. Павлом:

“Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер. Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения” (1 Кор 14.9-10).

¹ В нашем исследовании «Кумран и Христос» представлены доказательства смерти Иисуса Христа ранее 67 г. до н.э.

И чуть дальше:

“Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке” (1 Кор 14.19).

Для обретения Озарения адепту требуются десятилетия упорного ученического труда, причем, как правило, с раннего детства. Для приятия высших духовных вибраций на всех планах человек должен претерпеть длительную трансмутацию (изменение), иначе он сгорит. Те самые спутники Иисуса Христа, называемые сегодня *апостолами*, были, может быть, самыми лучшими его соотечественниками, но тем не менее они оставались детьми своего времени и окружения. О них очень мало рассказано, а Послания, названные их именами, как утверждают ученые, к историческим Петру, Иоанну, Иуде и Иакову, скорее всего, не имеют отношения. Да и по ним невозможно что-либо определенное сказать об их авторах. Апокалипсис Иоанна Богослова, безусловно, является глубоким каббалистическим трудом. Но как установлено, он во многом представляет компиляцию с «Книги Еноха» и, возможно, других аналогичных сочинений, относящихся ко времени Кумранской общины, т.е. к I – II вв. до н.э. Поистине, для Иисуса Христа его окружение было, как выразилась Е.И.Рерих, «одиноким полным».

Называя ближайших последователей Иисуса Христа привычным словом *апостолы* и вкладывая в него традиционный догматический смысл, необходимо все-таки разобраться, что означало собой это слово в то время и насколько исторически допустимо его применять к персонажам «Деяний» и евангелий. Слово *апостолы* (ἀποστόλοις) происходит от распространенного глагола ἀποστέλλω – «отправлять»; в греческом языке это понятие было связано с мореплаванием и особенно с военными экспедициями. Геродот дважды употребляет это слово в значении «посланник» (1.21; 5.38). Ранние христиане использовали его в более широком смысле. Оно не обязательно относилось к ученикам Иисуса. «Апостол» – дословно «вестник», «посол». Поэтому те, которые считали себя вестниками нового учения, именовали себя апостолами (как это делал и Павел). В «Деяниях апостолов» (14.4) апостолами названы Павел и Варнава. В Послании к Римлянам (16.7) Павел причисляет к апостолам также не известных по другим источникам Андроника и Юния. В Послании к Евреям (3.1) Иисус назван апостолом и первосвященником христианского исповедания. Лишь позже апостолами стали называть тех, кто по традиции считался непосредст-

венными учениками Христа. Употребление этого слова характерно в первую очередь для сочинений Павла и Луки, как предполагаемого автора «Деяний» (для сравнения Мф — 1 раз, Мк — 2, Ин — 1, Деян — 28, послания Павла — 35). Это можно объяснить тем, что Павел и Лука были эллинистами, тогда как иудеохристиане и иудеи вряд ли стали бы использовать специализированный греческий термин. Кроме того, даже согласно «Деяниям», иерусалимские главы, вроде бы сподвигнутые Христом на международную проповедь, около семи лет почему-то ничего не предпринимали, пока не появился неутомимый ап. Павел, упорствующий в принадлежности Христа всему миру. Т.е. для тех, кто сидел в Иерусалиме и даже не считал необходимым проповедовать в иных иудейских городах (ибо центром культа у иудействующих был Иерусалимский храм), — для них термин «апостол», т.е. «передвигающийся», «посланник», был явно неуместен. С учетом значения этого слова в греческом языке применение Павлом этого названия к замкнувшимся в Иерусалиме христианам можно рассматривать как заведомую иронию. В любом случае термин «апостолы» и соответственно его доктринальное значение являются продуктами эллинистической мысли и с членами Иерусалимской общины, ревностными поборниками «избранности» иудеев, они никак не связаны. Между реальными спутниками Иисуса Христа и образами, показанными в евангелиях и «Деяниях», — громадная дистанция. Из ряда апокрифов, например, следует, что одним из самых ближайших учеников Иисуса была Мария Магдалина. Вероятно, весьма значим был и Матфей. Наверняка были и другие. Однако в новозаветном каноническом корпусе их выдающаяся роль оказалась или неотмеченной, или умаленной. Безусловно, Иерусалимская община и другие спутники и последователи Христа, число которых, судя по многолетней проповеди Иисуса, исчислялось сотнями, если не тысячами, стали носителями вести о Христе и его Учении. И всё же все они являлись лишь преддверием христианства-религии, лишь свидетелями явления Христа, так что понадобились многие годы, прежде чем гений Павла высветил для широких масс универсальную суть и общую благодать Христова провозвестия.

Думается, Петр, Иаков и Иоанн (исторические современники Павла) сами себя вряд ли называли греческим словом «апостол», а если даже и называли, то совсем не в том смысле, который им навязали впоследствии апологеты церкви, т.е. не в смысле вселенских распространителей благой вести Христа. Невозможно оставаться поборником ветхозаветного изоляционизма и одновременно

проповедовать Новый Завет всему свету. А.Донини отмечает, что первохристианский «календарь уже не традиционный иудаистский, а тот, о котором шла речь в... рукописях Мертвого моря. Посту отводятся среда и пятница (у кумранитов в среду, пятницу и воскресенье отмечались основные религиозные праздники. — А.В.), а не понедельник и четверг, “как у лицемеров”¹, вероятно, у фарисеев в других конкурирующих группах... Общая трапеза имеет место “в день Господень” (в воскресенье)»². И тем не менее принятые церковью «Деяния апостолов» утверждают, что Петр и др. якобы выступали за доскональное исполнение ветхозаветных заповедей. Всё это очень странно и, скорее всего, является поздним вымыслом. В части ритуала христиане Иерусалима, видимо, отличались от иудейской традиции. Но в духовном осознании Божественного они вряд ли далеко ушли от соплеменников. Надо думать, иерусалимские Петр, Иаков и Иоанн представляли собой либеральную ветвь иудеохристианства, но, как и прочие иудеи, все они были насквозь пропитаны йахвистским духом национальной исключительности, ставшей к тому времени окончательной основой *фарисейского иудаизма*. Именно поэтому апостол Павел среди них оказался неуместен. Совершенно очевидно, что апологеты церкви, отстаивая «апостольскую преемственность», сделали все возможное, чтобы «примирить» огонь и воду (Павла и Петра), нивелировав в новозаветных текстах все следы их явно непримиримых отношений.

Апостол Петр

Принятое в мире деление Православия и Католичества на их приверженность соответственно Павлу и Петру, не вполне корректно, поскольку Петр, как выяснилось, в Риме никогда не бывал, и всё здание Римской церкви сооружено епископатам вокруг этой персоны лишь ради обретения вероучительного преимущества и политической автономности, завершившихся претензией на верховенство над всеми прочими церквями, в том числе и восточными. Можно заметить, что пламенные послания Павла и толкование им Учения Христа являются основой доктринального христианства; больше того: без толкований Павла невозможно представить христианство. Но отсутствие в христианской истории Петра вряд ли кто-нибудь даже заметил бы.

¹ *Лицемерами* в кумранских свитках названы фарисеи. — А.В.

² Донини А. У истоков христианства. М., 1989. С.117.

По поводу выдуманного церковного правопреемства от Петра профессор Александр Уайлдер говорил:

“Мы полагаем, что апостол обрезания, как величает его Павел, его великий соперник, никогда не был в имперском городе (т.е. в Риме¹), также не имел там преемника, даже в гетто (еврейском квартале. — А.В.)”².

Возвращаясь к теме происхождения имени «Петр», взятого в действительности от «*пéтра*» мистерий, и к тому, что ап. Петр (Симон) умер не в Риме, а в Вавилоне, оставаясь ортодоксальным раввином, Е.П.Блаватская писала:

“Многие другие писатели, намного более ученые и заслуживающие быть выслушанными гораздо больше, чем автор данных строк когда-либо претендовал, достаточно наглядно доказали, что Петр никогда не имел какого-либо отношения к основанию Латинской церкви; что его предполагаемое имя Петра или Киффа, так же как и его Апостольство в Риме, является не чем иным, как просто игрой с термином, который в каждой стране означал, в той или иной форме, Иерофанта или Истолкователя Мистерий (которым Петр никогда не был. — А.В.); и, наконец, что он вовсе и не умер мученической смертью в Риме, где он, по всей вероятности, никогда не был, а умер, дожив до почтенной старости в Вавилоне. В *Сефер Тольдот Иешу*, еврейской рукописи великой древности — это, очевидно, подлинник и очень драгоценный документ, судя по тому, как заботливо евреи скрывали его от христиан, Симон (Петр) упоминается как «верный слуга Бога», который проводил свою жизнь в аскетизме и медитации, как каббалист и назарей, который жил в Вавилоне «наверху башни, составлял гимны, проповедовал милосердие» и там умер”³.

Церковные историки утверждают, что ап. Петр (Симон) был в Риме во времена Нерона. Но Блаватская пишет, что боязливый, трижды отрекшийся от Спасителя Петр никогда бы не решился на поездку туда, где христиан скармливали животным. Но, как раз наоборот, в Риме тогда побывал несравнимо более известный, нежели Петр (Симон), маг с похожим именем — Симон Волхв⁴, ненавидимый церковью за те же самые чудеса, которые, согласно

¹ Согласно христианскому преданию, свою жизнь ап. Павел закончил в Риме, где он, осужденный Нероном на обезглавливание, был казнен вместе с ап. Петром в 29 день июня, когда церковь и чтит их память. По общепринятой хронологии, это произошло около 65 г. по Р.Х. — А.В.

² Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Т.2. С.30.

³ Е.П.Б.Т.Д. т.3/5, с.123.

⁴ Е.П.Блаватская. со ссылкой на: Ориген. Против Цельса, Е.П.Б.Т.Д. т.3/5, с.109.

Новому Завету, творили Иисус и апостолы. Если мы согласимся с тем, что Иисус был распят около 70 г. до н.э.¹, то гипотетическому апостолу Петру, казненному будто бы в Риме по церковному исчислению в 65 г. н.э., должно было бы исполниться к этому времени не менее 150 лет, что весьма фантастично. Мы уже говорили, что бесполезно гадать об этой неувязке. Может быть, существовали какие-то ученики апостолов, возможно, с похожими именами (если только эти имена вообще не были выдуманы сто лет спустя). Исследователи Нового Завета отмечают, что и сами имена апостолов даны в Новом Завете довольно «невнятно», так что до сих пор гадают, о каком, например, Иакове, брате Господнем, или Иоанне и пр. идет речь². Перенесение же на древние образы черт известных в то время исторических личностей являлось распространенным фактом заимствования, доказанным религиоведами.

Таким образом, «петрово» наследие Римской церкви оказывается призрачным как с точки зрения правопреемства, так и с точки зрения доктрины, ибо, отколовшись от Восточной церкви, как утверждает Е.П.Блаватская, «более старой и намного более чистой, нежели римская иерархия», Римская церковь стала отступницей от учения Христа³.

Интересно проследить происхождение мифа о мученической смерти Петра в Риме. В новозаветный канон входит Первое послание Петра, заканчивающееся следующими загадочными словами: «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне» (1 Пет 5.13). В этих словах ряд исследователей видел доказательство пребывания Петра в Вавилоне, откуда он рассылал свои письма. Вне зависимости от того, кем было составлено данное Послание, быть может, лишь для большего авторитета подписанное именем Петра⁴, указание на пребывание апостола в Вавилоне должно

¹ См.: Владимиров А. Кумран и Христос.

² Е.Н.Мещерская, рассматривая апокрифический текст «Учение Адада апостола», отмечает сложность идентификации апостолов по именам в евангелиях: «При современном уровне данных об этих текстах (евангелий. — А.В.), а также из анализа послеканонической литературы невозможно установить историю и причины трансформации имен (апостолов. — А.В.). Уже христианские авторы первых веков стремились к устранению противоречий в евангельских текстах. Это привело к тому, что писатели, начиная с Оригена, идентифицировали Фадея-Левия из текстов Марка и Матфея с Иудой Иаковлевым Евангелия от Луки» (Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997, с.112-113).

³ Е.П.Б.Т.Д. т.3/5, с.121.

⁴ Содержащиеся в Новом Завете два послания Петра к историческому ап. Петру по всей вероятности никакого отношения не имеют. Первое послание в большей части текста написано в духе Павла (см.: Гарнак А. История догматов // Сб.:

было опираться на известное среди христиан предание о смерти Петра в Вавилоне. Однако спустя годы, когда Римская церковь к середине — концу II века предприняла активные действия по узурпированию главенства в христианском мире, ею был придуман миф о вручении Петром апостольского первенства римскому епископату и освящения сей передачи мученической кончиной в Риме.

Иудеев в Вавилонии было всегда много. Филон Александрийский, например, за двадцать лет до еврейского Рассеяния, вызванного разрушением Иерусалима, писал: «Континенты... полны еврейских поселений, как и острова, и почти вся Вавилония» (*Legatio ad Gaium*, 36). Задача переименования наименования места смерти Петра — Вавилона — в Рим облегчалась тем, что в переносном смысле Рим также иногда назывался «Вавилоном». Объясняется это тем, что для христиан конца I и II века олицетворением цитадели бедствий и падения нравов была столица Римской империи — Рим. Ириней Лионский и Ипполит Римский, например, считали, что под «блудницей» Апокалипсиса Иоанн Богослов имел в виду именно город Рим. Но в более ранние времена таковым городом упадка и всяческого разврата считался Вавилон, чье имя в библейской традиции стало нарицательным. Библейский «Вавилон» как нарицательное имя, обозначающее город, жители которого предаются порокам и живут безнравственно, очевидно, мог быть использован применительно к Риму конца II века (времен Коммода). В этой связи историческое предание о смерти Петра в Вавилоне римские догматизаторы легко могли перетолковать как иносказательное свидетельство о смерти Петра в Риме.

Апологеты церкви, разумеется, объясняли загадочную концовку Первого послания Петра о пребывании апостола в *Вавилоне* как иносказательное название развращенного Рима. Однако такой авторитетный историк церкви, как В.В.Болотов, писал, например, что «нет оснований настаивать на иносказательном понимании это-

Раннее христианство. В двух томах. Т.2. М., 2001, с.252) и является прекрасным образцом раннехристианской чистосердечной проповеди с редкими поздними вставками из Ветхого Завета и позднецерковной догматики. Некоторые авторы даже приписывают это Послание Павлу (что, думается, неверно). Ближе всего к духу Петра можно было бы считать Второе Послание, если бы не ряд фрагментов, выдающих очевидное авторство конца II века. Возможно, Второе послание написано последователем доктрины Петра. Можно заметить, что все новозаветные Послания не идут ни в какое сравнение с большинством писем Павла, характеризующихся мощным проявлением веры, мысли и знания (в этом смысле весьма заметны поздние вставки в эти послания, отличающиеся резким падением темпа в таких местах и явным погуплением).

го указания на Вавилон (Вавилон = Рим)»¹, ибо «проповедь в Месопотамии облегчалась единством языка... Апостолы говорили наречием сиро-палестинским... естественно поэтому, что вавилонская церковь является очень рано; еще ап. Петр посылает приветствие верующим (иных церквей. — А.В.) от этой церкви»².

Другими словами, мученическая смерть Петра в Риме есть поздний миф, а свои годы Петр окончил в Вавилоне (как утверждает «Тольдот Иешу» — «наверху в башне»). Отсюда же, из башни в Вавилоне, а не «из тюрьмы», слал свои последние письма Петр единоверцам — обрезанным иудействующим христианам. Здесь же в Вавилоне на склоне лет он сочинял вдохновенные гимны, которые оказались столь близки духу иудаизма, что были рекомендованы раввинами к использованию в синагогах (см. далее). Если согласиться с тем, что знаменитый фрагмент Евангелия о троекратном отречении Петра от Христа был написан гностиками спустя многие годы после смерти апостола обрезания, то названное «отречение», быть может, и имевшее место во времена Иисуса, одновременно может восприниматься и как аллегория, иносказательно сообщающая о последующем возврате Петра к иудаизму и забвению им вести, провозглашенной Христом.

Ориген, судя по всему, скептически относился к притязаниям Римской церкви на Петрово наследие. Однако великий мыслитель не растрачивал силы на опровержение ставших уже популярными среди христиан ошибочных догматов, но стремился положительным толкованием хотя бы отчасти исправить наиболее опасные заблуждения. В отношении Петра Ориген в традиционной ему манере предложил в его «первоапостольстве» видеть более широкое явление, а самого «Петра» как «ключника Царствия Небесного» в этом смысле понимать только как назидательный образ:

“Если и мы тоже скажем: — Ты Христос, Сын Бога живаго, — то и мы тоже станем Петром,... ибо всяк, кто уподобляется Христу, становится камнем (Петр-Кифа — «камень». — А.В.). Даровал ли Христос ключи царствия одному Петру, тогда как прочие благословенные люди их получить не могут?” (Origen. Comm. in matt. XII.10).

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.259. Интересно отметить, что подобным заявлением Болотов отвергает мнение Евсевия Кесарийского, в своей «Церковной истории» писавшего: «Петр упоминает о Марке в Первом послании, которое, говорят, составил он в самом Риме; город этот метафорически называет он “Вавилоном”, говоря так: “Приветствует вас избранная церковь в Вавилоне, а также Марк, сын мой”» (ЦИ.П.15).

² Болотов В.В. Там же. С.259.

«Получается, значит, — делает из высказывания Оригена вывод протопр. Иоанн Мейендорф, — что согласно Оригену Петр — не более, чем первый “уверовавший”, а ключи, полученные им, открыли врата небесные только ему одному (а не *через него* для всех. — *А.В.*): если другие пожелают последовать за ним, они вольны “подражать” Петру и — получают те же ключи. Следовательно, слова Христа имеют сотериологическое, а не институциональное значение... Получается, что весь экклезиологический спор Востока с Западом сводится к вопросу о том, что вернее: вера ли опирается на Петра или Петр на веру?»¹. Или: только ли Петр обладает заветными ключами, или они могут оказаться у каждого?

Подход Оригена к «Петрову наследию» мог бы устранить лютые споры по поводу того, «какая церковь выше», ибо в трактовке Оригена первенствующая роль в Спасении или в обретении человеком Христа отводится не институту церкви (и не Римской церкви тем более), а непосредственно самому верующему человеку. Разумеется, в епископальном (догматическом) христианстве такой подход был недопустим. В результате, установив примат церкви как инструмента Спасения, догматическая церковь обрекла себя на бесконечные и бесплодные споры о том, какая же из существующих церквей «главнее» и «спасительнее». Чтобы парировать надуманные притязания Рима на главенство, другие церкви, прежде всего Востока, выдвинули свою контраргументацию. Протопр. И.Мейендорф отмечал, что, в отличие от понимания Римом «Петрова наследия», Киприан Карфагенский заявлял, что «“престол Петров” принадлежит, в каждой поместной церкви, епископу этой церкви. Григорий Нисский... мог писать, что Иисус “через Петра вручил епископам ключи небесных почестей”... Мысль о том, что некая частная церковь может, в полном теологическом смысле, более полно, чем иные церкви, хранить веру в Петра, оставалась византийцам чуждой. Консенсус епископов, а не авторитет какого-то одного епископа (папы. — *А.В.*) — вот что виделось им высочайшим из возможных знамений истины. Отсюда их постоянное нахождение на авторитете соборов»². Можно заметить, что Ориген вопрос о вере в первую очередь сводил к *внутреннему*, т.е. личному обретению Христа верующим (ибо кто же другой сможет за него это сделать?), тогда как поздняя церковь вопрос о христианстве свела к вере во *внешние* положения догмата, истинное знание ко-

¹ Мейендорф И. Византийское богословие: Исторические направления и вероучение. М., 2001. С.176-177.

² Там же. С.177-179.

торых было объявлено пребывающим в некоем «соборном разуме». Другими словами, тогда как для Оригена церковь как земное учреждение была для человека важным, но тем не менее только вспомогательным средством для обретения в собственном сердце Христа (построения *церкви сердца*), — догматики объявили земную церковь главнейшим явлением всей религиозной жизни верующего, по сути главной целью человечества здесь на земле. Мейендорф так и пишет: «Тогда как многие византийские церковные писатели следовали за Оригеном и признавали подобное (Петрово) преемство за *каждым верующим*, то иные держались не столь индивидуализированных¹ воззрений на христианство...»². Кого же было более? Кажется, сама аргументация сторон в споре о первенстве епархий подразумевает явное превалирование в догматическом христианстве роли земной церкви над *храмом сердца* в каждом человеке. В Риме утверждали лишь об одной «самой главной» церкви, тогда как на Востоке — о «совокупности нескольких». Но ведь христианская Весть и Царство Небесное были провозглашены человеческому сердцу, а не организациям. Думается, вернее было не выяснять, *какая церковь* (или какая их совокупность) является наследницей так называемого «Петра», а признать само представление об организации как носительнице Божественной Истины, полученной «по наследству», — вульгарным и нерелигиозным. Ведь религия — это «связь с Богом», но никакая организация, никакой институт — «связи с Богом» иметь не могут. *Религиозно* может быть только чувство или мысль конкретного человека, но никак не соборная резолюция, и уж тем более — не «организация». Даже некий поступок, поведение, жизнь, казалось бы, внешне олицетворяющие причастность к тому или иному вероисповеданию, без внутреннего сердечного созвучия Богу фактически не являются религиозными. Можно с утра до вечера бить поклоны перед иконой, ставить свечи и петь славословия, но без внутренней устремленности к Богу оставаться чуждым религии — *связи со Всевышним*. Все внешние ритуалы и организации, как свидетельствует история, — преходящи. Вечно же лишь то прекрасное, что каждый человек кропотливым трудом возводит в сердце — *церковь его Духа*. Что же тогда, как не сердце каждого человека, должно стать

¹ Переводчик работы Мейендорфа перевел «индивидуалистических», однако слово явно неудачное и близко по негативной окраске к «эгоистическим», что явно к Оригену неприменимо. Здесь речь идет о личностном, душевном переживании. — А.В.

² Мейендорф И. Византийское богословие: Исторические направления и вероучение. М., 2001. С.177.

истинным основанием праведной веры? Веры в то, что человеческая душа есть сосуд Христа и что дух каждого человека может, подобно сыну, вернуться к Богу? Речь идет, конечно, не об умалении или отрицании общественных религиозных институтов, а о том, с чего начинается для любого человека подлинная религиозность — с *личного знания Бога*.

У Е.П.Блаватской можно найти наиболее достоверное, на наш взгляд, объяснение происхождения евангельского символа «Петер», с которым много позже в доктринальных целях соотнесли спутника Иисуса — Симеона, назвав его также «Пётр». Она писала:

«Само апостольское имя *Peter* пришло из мистерий. Иерофант, или верховный понтиф, носил халдейский титул פֶּטֶר, *peter*, или истолкователь. Имена *Phtah*, *Peth'r*, резиденция Валаама, Патара и Патрас, имена городов-оракулов, *pateres* или *pateras*, и, возможно, Буддха¹ — все произошли от одного и того же корня. Иисус говорит: “На этом *petra* я построю свою церковь и врата, и правители Гадеса не одолеют ее”³; подразумевая под *petra* высеченный в скале храм, а метафорически — христианские мистерии, противниками которых были древние боги мистерий подземного царства, которым поклонялись в обрядах Изида, Адониса, Атиса, Сабазия, Диониса и Элевсинии. Никакого *апостола* Петра в Риме никогда не было; но папа, захватив скипетр *Pontifex Maximus*, ключи Януса и Кибелы и украсив свою христианскую голову шапкой *Magna Mater*, скопированной с тиары Брахматмы, Верховного Понтифа Посвященных древней Индии, — стал наследником языческого верховного жреца, действительного Peter-Roma, или *Petroma*³.

У римско-католической церкви два гораздо более могущественных врага, чем “еретики” и “неверные”; и эти враги — сравнительная мифология и филология... Убедительное мнение высказано слишком большим количеством ученых, чтобы сомневаться в том, что Индия была *Alma Mater* не только цивилизации, искусств и наук, но и всех великих религий древности, в том числе и иудаиз-

¹ Э.Покок приводит вариации имени Будда: Bud'ha, Buddha, Booddha, Butta, Pout, Pote, Pto, Pte, Phte, Phtha, Phut и т.д. См.: «India in Greece», примечание, приложение, 397. — *Е.П.Б.*

² Синодальный перевод: «И Я говорю тебе: ты — Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф 16.18-19).

³ Тиара папы также является совершенной копией тиары далай-ламы Тибета. — *Е.П.Б.*

ма, значит, и христианства. Гердер помещает колыбель человечества в Индии и представляет Моисея как умного и сравнительно *современного* компилятора древних брахманических традиций:

“Река, охватывающая эту страну (Индию), — священная Ганга, которую вся Азия считает райской рекой. Также библейский Гихон (Силоам¹) есть не что иное, как Инд. Арабы до сих пор называют его этим именем, и названия стран, омываемых им, известны среди индусов”.

Жаколио, — продолжает Е.П.Блаватская, — утверждает, что он переводил каждую древнюю, написанную на пальмовых листьях рукопись, которую брамины пагод позволяли ему читать. В одном из его переводов мы обнаружили отрывок, раскрывающий *несомненное происхождение ключей* св. Петра и объясняющий принятие этого символа его святейшеством римским папой.

Он показывает, основываясь на свидетельстве “Агрушада Парикшай”, название которой он свободно переводит как “Книга духов” (питри), что за многие века до нашей эры *посвященные* храма выбирали Верховный Совет, где председательствовал брахматма, или верховный глава всех *этих посвященных*. Эту высокую должность мог занимать только брамин, достигший восьмидесяти лет²; этот брахматма и являлся единственным хранителем мистической формулы, *резюме* всех наук, заключенного в трех мистических буквах, которые означают: *творение, сохранение и преображение*. Только он мог излагать ее значение в присутствии посвященных третьей и высших ступеней. Если кто-нибудь из посвященных открывал хотя бы одну, даже самую малую из доверенных ему истин профану, его казнили. А тот, кто принял от него (подобным незаконным образом. — А.В.) секрет, — разделял его участь.

“Наконец, как венец этой мощной системы, — говорит Жаколио, — существовало слово, еще более превосходящее этот мистический слог — **АУМ**; оно делало того человека, который владел его ключом, почти равным самому Брахме. Только брахматма единственный владел этим ключом и передавал его в запечатанной шкатулке своему наследнику.

¹ О мистическом значении *Силоама* в восточной традиции см.: «Кумран и Христос», глава «Силоам и Христос».

² Это традиционная политика коллегии кардиналов — выбирать каждый раз, когда это возможно, нового папу из самых старых и слабых здоровьем. Иерофант Элевсина тоже всегда был стар и неженат. — Е.П.Б.

Это неизвестное слово, которое никакая человеческая сила не смогла *принудить раскрыть*, — даже сегодня, когда браминская власть сокрушена вторжениями монголов и европейцев, когда каждая пагода имеет своего брахматму¹, — было выгравировано на золотом треугольнике и хранилось в святилище храма Асгартха, чей брахм-атма единственный владел его ключами. Он также носил на своей тиаре *два скрещенных ключа*, поддерживаемых двумя опустившимися на колени браминами, — символ драгоценного клада, находящегося в его владении... Это слово и этот треугольник были вырезаны на печатке кольца, которое этот глава религии носил в качестве одного из знаков своего достоинства; оно было также обрамлено золотым солнцем на алтаре, на котором Верховный Понтиф каждое утро совершал жертву сарвамеда, или жертву всем силам природы”².

Достаточно ли это ясно? И не станут ли католики все-таки утверждать, что это брамины 4000 лет тому назад (за 2000 лет до Р.Х.) скопировали обряд, символы и одеяние римских Понтифов? Мы этому ничуть не удивились бы»³.

Когда миф о мученической смерти Петра в Риме укоренился, то появились всевозможные легенды о «деталях» этой смерти. Евсевий, ссылаясь будто бы на Оригена (на 3-й том Толкования Оригена на Бытие, ныне утраченное), утверждал, что Петр «был распят головой вниз: он сам счел себя достойным такой казни» (ЦИ.3.1). Поздние комментаторы объяснили сей невиданный способ казни тем, что Петр «считал себя недостойным умереть той же смертью, какой умер Христос». Исторический Петр, как выяснилось, умер в Вавилоне своей смертью, а не занимался вместе с римским правосудием выбором способов экзекуции. Но образ распятия «вниз головой» имеет, возможно, символическое значение, подобно троекратному евангельскому отречению Петра от Христа. Фигура человека в эзотерическом символизме выражает идею *микрокосмоса* и графически изображается пятиконечной звездой⁴ (тогда как *макрокосмос* представляется семиконечной звездой).

¹ Это неверно. — *Е.П.Б.* Высочайший Понтиф (брахм-атма) в данной традиции был только один, но никак не в «каждой пагоде». — *А.В.*

² *Jaccoliot L.* Le Spiritisme dans le Monde. P.28.

³ Блаватская Е.П. Разоблаченная Изиды. Т.2. С.34-36.

⁴ «Пантакл (греч.) То же, что Пентальфа, тройной треугольник Пифагора или пятиконечная звезда. Он так назван потому, что воспроизводит букву А (*альфа*) на каждой из своих сторон, или в пяти различных положениях; кроме того, его число составлено из первого нечетного (3) и первого четного (2) чисел... В оккультизме и Каббале он означает человека или Микрокосм, “Небесного Человека”, и

Человек, обращенный вниз головой, есть перевернутая пятиконечная звезда — общеизвестный символ служения Левому Пути ¹.

В оккультной доктрине утверждается, что пятый принцип человека, активизация которого, собственно, делает человека отличным от животного, есть ум (санскр. *Манас*). Вместе с тем этот принцип в силу двойственной природы человека, вернее, его души — тяготеющей к высшему (божественному) и к низшему (антибожественному), представляет собою двойственность: буддхи-манас (духовный ум), с одной стороны, и кама-манас («животный», страстный ум), с другой. Иными словами, ум (разум) у человека один, но в силу доминирования в человеке либо духовного, либо «животного», одни люди устремляются к Высшему, а другие к низшему (к бездуховному), в результате чего в человеке побеждает тот или иной принцип (тот или иной «ум»). Интересно отметить, что у малодуховных людей правое полушарие головного мозга оказывается сравнительно пассивным, тогда как левое, отвечающее за формально-логические интерпретации, доминирует. В некотором смысле символ «опрокинутой пятиконечной звезды» может означать человеческий ум или категорию людей, устремленных в сторону мертвенности духа.

В индусском эзотеризме число 5 (санскр. «ма») соотносится с зодиакальным знаком Макара («Козерог»), управителем которого традиционно *считается* Сатурн (Дух Сатурна). В действительности, созвездие *Козерог (Макара* — козел-рыба, антилопа-крокодил) имеет такую же двойственную природу, как и Ум (манас), и, находясь под управлением Сатурна и Урана, одновременно является, соответственно, принципы разрушения и созидания. Напомним, что Сатурн (Кронос, время) астрологически повсеместно выражает идею смерти и разрушения. В индуизме утверждается, что

как таковой был могущественным талисманом для охранения от злых духов, или элементов. В христианской теологии он относится к пяти ранам Христа; однако его толкователи не в состоянии добавить, что эти «пять ран» сами по себе были символом Микрокосма или «Малой Вселенной», или опять же — Человечества, — этот символ указывал на падение чистого Духа (Христоса) в материю (Iassous, «жизнь» или человек). В эзотерической философии Пентальфа, или пятиконечная звезда, является символом *Эго* или *Высшего Манаса*» (Блаватская Е.П. Теософский словарь, статья «Пантакл»).

¹ «Эзотерическим символом Кали Юги (черного, неблагоприятного времени, пиком которой стал период 3102 г. до н. — 1942 г. н.э. — А.В.) является опрокинутая вниз пятиконечная звезда с ее двумя остриями, обращенными вверх, знак человеческого колдовства — положение, признаваемое каждым оккультистом, как знак «Левой Руки», и употребляемое в церемониальной магии» Е.П.Б.Т.Д. т.1/1, с.40.

пятая голова Браммы исчезла, испепеленная «центральным глазом» Шивы¹ (так называемым «третьим глазом», «глазом мудрости»). Шива именуется также *Панчанана* — «пятиликий» и в эзотеризме в аспекте разрушения связан с Сатурном, являясь индуcским аналогом иудейского *Йахве*². В двойственной природе Ума (манаса) Сатурн представляет собою кама-манас («животный» ум), а символически — опрокинутую пятиконечную звезду. Если утверждается, что апостол Павел проповедовал истинное христианство, а Петр с его сатурнианским йахвизмом ему противостоял, то символическое позднецерковное изображение Петра перевернутым на кресте (перевернутой пятиконечной звездой) оказывается вполне уместным. Еще раз обратим внимание читателя на то, что речь идет не об историческом Петре, но, прежде всего, о легендарном Петре, судя по всему, олицетворяющем отступницу — Римскую церковь. Учитывая это, становится понятной резкость, с какой Иисуса заставляют отозваться о Петре: Иисус, запрещающий говорить «брату своему... “безумный”» (Мф 5.22), тем не менее в адрес Петра возмущенно воскликнул: «отойди от Меня, сатана!» (Мф 16.23).

В Библии символизм пятиконечной звезды обнаруживается в Книге Бытия. Е.П.Блаватская писала: «...Начиная с Каина, первого убийцы, каждый *пятый* человек по линии его потомков (в линии каинитов в отличие от параллельной добродетельной линии сифиан³. — А.В.) — убийца. Вот так они идут: Енох, Ирад, Мехиаель, Мафусаил и *пятый* — Ламех, второй убийца... Если начертать пятиконечную звезду Люцифера (вершиной вниз) и написать имя Каина под нижней точкой, а имена его потомков последовательно по другим точкам, — обнаружится, что каждое пятое имя, которое окажется написанным под именем Каина, будет именем убийцы. В “Талмуде” эта генеалогия дана полностью, и тринадцать убийц располагаются под именем Каина. Это *не* совпадение.

¹ Е.П.Б.Т.Д. т.2/2, с.727.

² О тождестве между индуcским Шивой и иудейским Йахве см. нашу книгу «Кумран и Христос», Приложение № 13 «Философский и ритуалистический Шива».

³ «...Каин имеет сына Еноха, и Сиф также имеет сына Еноха (также Еноса, Ch'anoch, Nanoch — можно выводить, что угодно из еврейских имен, лишенных гласных). По линии Каина Енох родит Ирада; Ирад Мехиаеля, последний Мафусала, а Мафусал Ламеха. По линии Сифа Енох родит Каинана и этот последний Малелеила (вариация Мехиаеля), который, в свою очередь, родит Иареда (или Ирад); от Иареда до Еноха (номер 3), который родит Мафусала (от Мафусала), и, наконец, Ламех заключает список (см.: Быт. 4:5)» (Е.П.Б.Т.Д. т.2/1, с.490).

Шива (как универсальный принцип. — *А.В.*) есть Разрушитель, но он же и *Возродитель*»¹. Иными словами, философски универсальный принцип в проявленной реальности, как всё в Природе, имеет два выражения (персонификации): в восходящей линии, духовной, он выражает положительное начало, а в нисходящей — негативное начало, зло. Отсюда символ пятиконечной звезды в её двойственности — человечество, устремленное к Богу (правильная звезда), а его антипод (перевернутая звезда).

Апостол Павел

Чем больше времени проходит с момента подлинных исторических событий, тем всё менее их герои в сознании их пламенных поклонников остаются похожими на себя. Не избежал данной участи и апостол Павел. Павел богословов — это уже не реальный человек, а икона. В частности, для него была выдумана трогательная легенда, согласно которой из безвестного иудея, воинствующего ортодокса и первого гонителя христиан Павел в одно мгновение превратился в величайшего основателя Церкви, в терпеливого наставника и искусного христианского проповедника. Для богословского «чуда» подобный рассказ вполне приемлем, но для реальной жизни — не совсем. О позднецерковном сооружении такого мифического образа Павла Е.П.Блаватская, отвечая на письмо одного из читателей, писала в журнале «*The Theosophist*» (март 1883 г.):

“Что касается Павла, насколько мне известно, никто никогда не считал его (как он показан в «Деяниях». — *А.В.*) адептом, и менее всего наши оккультисты, поскольку его [каноническая] биография слишком хорошо известна. Простой изготовитель палаток... он был сначала гонителем назареев, затем принял новую веру и стал её страстным проповедником. [Но] именно [подлинный, исторический] Павел был истинным основателем христианства, реформатором небольшой организации (т.е. реформатором уже сложившейся до него организации. — *А.В.*), ядро которой состояло из ессеев, набатеев, терапевтов и представителей других мистических братств (теософских обществ древней Палестины), — получившей название “христианская” более чем три столетия спустя, а именно — при императоре Константине. Видения [мифического, выдуманного] Павла от начала до конца указывают *скорее* на то, что он был [прирожденным] *медиумом*¹, а не

¹ Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Т.2. С.437.

адептом, поскольку, чтобы стать адептом, необходимы долгие годы обучения и подготовки, завершающиеся обрядом посвящения, проведенным высоким Иерофантом”².

Вместе с тем *исторического* (но не богословского) Павла, написавшего Послания, Блаватская в своих трудах многократно называет *Посвященным*³, видит в нем одного из наиболее успешных

¹ *Медиум*, в понимании теософии, — *безвольный* оператор, предоставляющий развоплощенным *низшим* духам, привлекаемым из околосемного астрального плана, часть своей «эфирной оболочки» (эктоплазму), благодаря чему данные духи становятся видны участникам спиритического сеанса. От «медиума» отличается «медиатор», который внешне обладает похожими способностями «контакта», но имеет громадные накопления психической энергии и не становится безвольной игрушкой в руках инородных сил, не утрачивая собственного сознания, участвует в подобного рода феноменах. Более высокую степень над медиумами и медиаторами являют истинные йоги. Е.И.Рерих об отличии медиума от йога поясняет: «Медиум видит и слышит посредством астрального зрения и слуха своего двойника (низшего астрального «тела» человека. — А.В.), который выходит (за пределы физического тела человека во время сеанса. — А.В.) и передает физическому мозгу [информацию. — А.В.], но он утрачивает способность действовать посредством ментального тела, и тело это остается в замирании. Но йог (в отличие от медиума. — А.В.) видит и слышит внутренним тонким зрением и слухом своего тонкого тела (высшего астрала. — А.В.), которое связано с ментальным» (*Беседы с Учителем. Избранные письма Елены Ивановны Рерих. Рига, 2001, с.171. Письмо Е.И.Рерих от 23.01.51*). «Медиум не может видеть ауры окружающих людей, ибо медиум не может проникнуть в магнитную сферу Тонкого Мира. Тонкий Мир двойников явлен на низшем состоянии. Тонкая аура может быть видима только на высшей сфере Тонкого Мира. И только медиаторы, уявленные на призматическом зрении, могут иногда видеть отсвет ауры...» (*Письмо Е.И.Рерих от 7.01.50 // Сб.: Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М. «Окультизм и Йога». Летопись сотрудничества. Т.1. М., 1996, с.351*). «Необходимо понять разницу между видениями и переживаниями медиумов, психиков, медиаторов и йогов... Все истинные переживания и видения прежде всего отличаются простотой и краткостью. Красота высшая именно в простоте. Также пусть поймут опасность насильственного открытия центров и развития медиумизма. Вообще медиумизм, как таковой, нежелателен. Если кто определенно развил в себе спящие медиумические способности, он должен проявить особую осторожность и проводить воздержание от излишеств и вести самую нравственную жизнь во избежание возможности одержания. Медиум не защищен, наоборот, открыт для всяких внешних влияний. Лишь прирожденный йог охранен от насильственного вторжения (одержателя. — А.В.)... Медиумов много, но грядущее время позволит иметь медиаторов. Это будет большим шагом в эволюции. Но, конечно, пальма первенства отдается йогу» (*Рерих Е.И. Письма в Америку (1948–1955). Т.3. М., 1996. Письмо от 22.09.50*). — А.В.

² Блаватская Е.П. *Беседа с «Нулем»* // В сб.: Блаватская Е.П. *Смерть и бессмертие*. М.: Сфера. 1998. Вып. № 3. С.204. В квадратных скобках наши дополнения. — А.В.

³ «Павел, будучи Посвященным, знал...» (Е.П.Б.Т.Д. т.1/4, с. 302); «Павел говорит [тогда], как мистик, когда он повествует о свободной жене (Саре) и жене-на-

учеников мудреца Гамалиила, то есть человека, не «вдруг прозревшего», а достигшего обретения Христа длительным восхождением.

Итак, Павел порвал с иудейской и иудеохристианской традицией. Необходимо заметить, что создание им разветвленной церковной организации было бы невозможно на пустом месте и без участия значительного числа сподвижников. Кем же были эти люди? В церковной истории раннего христианства совершенно игнорируется существование во времена Павла ессеев и терапевтов (египетских «целителей»), не говоря о кумранитах, и т.п. эзотерических обществ. Для сказочного повествования о новой религии удобно было предположить начало христианской истории, что называется, «с чистого листа». Но если все-таки обратить внимание на то, что Павел был Посвященным (по меньшей мере, согласно «Деяниям апостолов», он был наставлен в древнееврейской мудрости Гамалиилом), то было бы очень странным, если бы Павел, путешествуя по главным сакральным центрам античного мира, свою деятельность осуществлял бы исключительно среди безграмотных и забытых «низов населения». Е.П.Блаватская, как было показано выше, настаивала на том, что общины, подобные ессейским и назарейским, и стали ядром зарождающегося эллинистического христианства, среди которых деятельность Павла оказалась столь успешной. Возможно, именно деятельность Павла в таких ранее замкнутых общинах способствовала преодолению их отчужденности от остального «языческого» мира. Именно эти праведники, нашедшие в себе силы порвать с властью Йахве, имели возможность распространять антийахвическую доктрину — христианство. Равным образом ничто не препятствовало Павлу найти поддержку своей проповеди и среди непосредственных последователей Пифагора и Платона, среди эллинов. В свою очередь, подобный универсализм Павла должен был вызвать раздражение и недовольство у иерусалимских иудействующих христиан — отсюда враждебное противостояние Петра эллинисту Павлу.

ложнице Авраама (Агари)...» (т.2/1, с.98); «Св. Павел, также (как Гермес. — А.В.) Посвященный...» (т.2/1, с.335); «Павел (Саул) упоминается в Талмуде, как “малое дитя” (т.е. как Посвященный. — А.В.)» (т.2/2, с.632-633); «Павел был Посвященным...» (т.2/2, с.644); «Осторожные намеки Павла все имели эзотерическое значение...» (т.2/2, с.647); «...они должны были быть известны св. Павлу, кто был Посвященным, “Мастером-Строителем”...» (т.2/2, с.887); «Павел, должно быть, принадлежал к этому классу Посвященных, ибо он сам говорит (Гал 1.15), что он был отделенным или “избранным” с момента своего рождения; что волосы ему обрезали в Кенхреях — “по обету” (Деян 18.26)» (Блаватская Е.П. Теософский словарь, статья «Назар»). — А.В.

Здесь важно подчеркнуть, что когда говорится о «создании Павлом Церкви», то имеется в виду именно создание института, а не буквальное рукоположение церковных иерархов, не внедрение детально разработанного ритуала и пр. Тем более, что последнее, как показали исследования обрядов, ритуалов и атрибутики, христианская церковь во многом позаимствовала у митраистов, буддистов, египтян и пр. Раннее христианство на греко-египетской почве представляло собою саморазвивающуюся стихию. Гностики утверждали, что Иисус, после погребения являясь в тонком теле еще 11 лет (по другим сведениям — 30 лет), наставлял учеников в таинствах истинной веры, или гнозиса, о которых отчасти известно из текстов Наг-Хаммади и из обнаруженного еще ранее сочинения «Пистис София» (см. Приложение 10). Нет оснований считать, что впоследствии не было и других людей, подобных, например, Акиле и Прискилле или Анании (открывшему «ослепшему» Павлу в Дамаске «зрение»), на которых нисходило Божественное Откровение. Павел придал дополнительный импульс, определенную систематизированность христианскому движению, но совершенно неисторично было бы полагать, будто только Павел «создавал христианство» или «основывал церкви».

И всё же именно фигура апостола Павла является ключевой в новозаветной истории. Какие бы исправления ни были внесены в первоначальные тексты новозаветного Писания, даже после них хорошо видно, что Павел положил границу, отделяющую Ветхий Завет (иудаизм, иудейство, иудеохристианство всех толков) от Вести Христа, обращенной ко всему миру. Павел сам говорил, что воспринятая им суть Благой Вести не *от людей*, для него она не есть Предание или Писание, но получена им *непосредственно от Христа* через Откровение:

“Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа” (Гал 1.11-12).

Комментируя данный фрагмент, Джеймс Д.Данн верно подметил, что «Павел был убежден, что воскресший Иисус поставил его апостолом язычников и что Евангелие для язычников свободно от еврейского закона, писаного и устного... Евангелие, которое он проповедовал, действительно не потому, что его слова точно соответствуют Преданию («старцев»), а потому, что они дарованы ему Духом (ср. особенно 1 Кор 2.4-5; 1 Фес 1.5/2.13)»¹. Мы бы про-

¹ Данн Д.Д. Единство и многообразие в Новом Завете: исследование природы первоначального христианства / Пер. с англ. М., ББИ, 1999. С.106.

должили эту мысль: Евангелие для язычников *не ограничивалось* Евангелием для избранного народа («Евангелием евреев» или иными исходными арамеоязычными текстами, с которых были затем списаны синоптические Евангелия), но выходило на совершенно новые просторы, свободные от ветхозаветного словаря, ветхозаветных образов, ветхозаветных догм. Заявление Павла об источнике его веры и знания – Откровении – интересно сравнить со сказанным в Послании Петра, надо думать, как антитезу Павлу:

“Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия” (2 Пет 1.16).

Из данного заявления следует, что для Петра и пр. уверенность в их правоте основывалась лишь на факте их личного телесного пребывания возле Иисуса. Утверждение в делах веры приоритета материальных условий над духовными, физического присутствия над духовным озарением, свидетельствует о том, что такие как Петр просто не имели опыта Богообщения в духе. Но ведь лишь в таком состоянии взыскующего раскрываются тайны духовного. О глубоком отличии такого состояния от любого иного земного опыта Максим Исповедник (580 – 662) писал:

“Когда влечением любви ум возносится к Богу, тогда он совершенно не чувствует ни самого себя, ни что-либо из сущих. Озаряемый божественным беспредельным Светом, он перестает ощущать всё тварное подобно тому, как и чувственное око перестает видеть звезды, когда восходит солнце...

Как солнце, восходя и освещая мир, являет и себя, и освещаемые им предметы, так и Солнце Правды, восходя в чистом уме, являет и Себя, и логосы всех [вещей и тварей] – уже приведенных в бытие и тех, которые еще будут сотворены” (*О божественной любви. I сот. ч.1, 10, 95*).

“Есть два состояния чистой молитвы... Признак второго (высшего молитвенного состояния. – *А.В.*) – восхищение ума Божественным и беспредельным светом в самом порыве молитвы, когда он вообще не чувствует ни самого себя, ни что-либо из сущих, а лишь одного Того, Кто Своей любовью так озаряет его. Тогда, двигаясь вблизи логосов, которые окрест Бога, ум воспринимает чистые и явные отобразы Его” (*Там же, II сот. 6*)¹.

Раннехристианский автор Дионисий Ареопагит (Псевдо-Дионисий), писал о «Голосе Безмолвия»:

¹ Перевод с греч. А.И.Сидорова. Цит. по: Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб., 2002. С.509-511.

“И тогда Моисей (в духовном предстоянии. — *А.В.*) отрывается от всего зримого и зрящего и проникает в воистину таинственный мрак неведения, после чего оставляет всякое познавательное восприятие (умом. — *А.В.*) и в совершенной темноте и незрячести оказывается, весь будучи за пределами всего, ни себе, ни чему-либо другому не принадлежа, соединяясь в наилучшем смысле с совершенно не ведающей никакого знания¹ бездеятельностью² и уразумевая сверхразумное ничего-не-знанием.

...По мере нашего восхождения вверх, речи вследствие сокращения умозрений сокращаются. Так что и ныне, входя в сущий выше ума мрак³, мы обретаем не малословие, но совершенную бессловесность и неразумение.

А оттуда, сверху, до пределов нисходя, слово соответствующим образом распространяется по мере нисхождения. Но теперь, восходя от низшего к высшему, по мере восхождения оно сокращается и после полного восхождения будет вовсе беззвучным и всё соединится с невыразимым” (*О мистическом богословии. I.3; III*)⁴.

Аналогичным образом состояние духовного предстояния пред Абсолютным описывается авторами иных традиций. Плотин (ок. 205 — ок. 270), учившийся у Аммония Саккаса и оказавший заметное влияние на кашпадокийских отцов церкви, писал:

“Вот на чем, собственно, основывается обычное в мистериях запрещение посвященным делиться тайнами с непосвященными: так как божественное невыразимо, неопишимо, то и запрещается толковать о божественном с теми, которые не удостоились еще созерцать его. Так как в момент лицезрения Бога исчезает всякое двойство, так как созерцающий тут отождествляется до такой степени с созерцаемым, что, собственно говоря, не созерцает его, а сливается с ним воедино, то понятно, что лишь тот может сохранить в себе образ Бога, кто может сохранить целым воспоминание о том, каким он был во время лицезрения Божия, бывает же сам он тогда в состоянии такого объединения, самососредоточения, в котором не сознает никакого различия ни в себе самом, ни по отношению ко всему другому; в этом экзальтированном его состоянии (состоянии экстаза. — *А.В.*) никакая душевная деятельность не проявляет себя — ни гнев, ни сожаление, ни рассу-

¹ Знания земной рассудочности. — *А.В.*

² Всевышний (Абсолют) в мистическом христианстве (Ориген и др.) — бездеятелен и пребывает за пределами бытийности. Мир творится Христом — божественной Энергией-Светом-Логосом. — *А.В.*

³ Мрак — для земного зрения и свет — для духовного зрения. — *А.В.*

⁴ Перевод с греч. Г.М.Прохорова. Цит. по: Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб., 2002. С.261; 267.

док, ни даже мышление; можно сказать, что он тут и сам весь как бы исчезает” (*Плотин. О Благе, или Едином. Эннеада VI.9.11*)¹.

В древнейшем трактате, «Книге Золотых Правил», известном в Тибете, в поучении «Голос Безмолвия», говорится:

“Когда он (ученик) перестанет слышать множества, тогда он сможет различить **Единое** — внутренний звук, убивающий внешний.

Лишь тогда, не ранее, покинет он область ложного и вступит в царство истинного.

Прежде чем душа сможет увидеть, следует достичь гармонии внутри, и телесные очи должны закрыться навсегда для всякой иллюзии.

Прежде чем душа сможет услышать, человек должен стать одинаково глухим как к грому, так и к шепоту, как к реву слонов, так и к серебристому жужжанию золотого светляка.

Прежде чем душа сможет разуместь и вспоминать, она должна соединиться с Безмолвно Говорящим так же, как соединен с умом ваятеля тот образ, по которому придается форма глине.

Ибо тогда душа услышит и вспомнит.

И тогда к внутреннему слуху обратится Голос Безмолвия...

Возри! Ты сам стал светом, ты сам стал Звуком...”
(7-13; 99)².

Во всех религиях и мистических традициях мира, в том числе и у христианских авторов, состояние высшего духовного озарения описывается практически одинаково. Насколько же эти описания отличаются от так называемого «озарения» апостолов в «Деяниях» или в Евангелии. Это лишний раз доказывает, что сцена «нисхождение пламён» на апостолов (многоговорение), «прозрение Павла» и пр. — суть поздние текстуальные вставки, сочиненные авторами, никогда не испытывавшими духовного озарения.

Вернемся же к нашим иерусалимским апостолам. Совершенно очевидно, что если Петр, Иоанн, Иаков и др. до появления Павла не считали нужным покидать Иерусалим, не то что нести весть Христа языческим народам, то их присутствие возле Иисуса в течение трех лет Его хождений не избавило от ограниченности их мировосприятия: они не сумели осознать, чём в мировой перспективе являлось данное воплощение Христа и что надлежало делать

¹ Перевод с греч. Г.В.Малеванского. Цит. по: Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб., 2002. С.189.

² Цит. по: Голос Безмолвия / Перевод Е.П.Блаватской. М., 2001. С.26-27.

его последователям. Если Павлу через Откровение было дано осознание сути Учения, значения и цели воплощения Христа, то иерусалимские апостолы, судя по всему, остались не более чем историческими статистами земной жизни Учителя. Их усилия насадить Учение Христа среди соплеменников не привели к обращению «богоизбранного народа» в христианство. Если это не удалось сделать самому Иисусу Христу, то чего можно было ожидать на данном поприще от его последователей? Да и как могло быть иначе, если одним из центральнейших положений Учения Христа было представление человечества единым пред лицом Отца-Бога, если главным средством против бед человечества, его ошибок, заблуждений и грехов были провозглашены любовь и самопожертвование? Как же всё это можно было совместить с йахвистской проповедью иудейской «богоизбранности»? Можно ли вообще иудеохристианство по существу считать христианством? Получается, что верить в явление Иисуса Христа или даже в то, что он был Сыном Божиим еще недостаточно, чтобы считаться последователем Спасителя. Ориген, например, о некоторых христианах-хилиастах писал, что они «хотя и веруют во Христа, но понимают божественные Писания по-иудейски»¹. Каждая христианская церковь во все времена полагала, что, чтобы быть подлинным христианином, нужно верить *так* и *в того* Христа, как это принято в данной церкви. Ортодоксы уверяли, что Сын Бога был послан на Землю исключительно для Спасения *стада Израилева*. О «своем» *Машиахе* так думали и иудеохристиане, вероятно, и иерусалимские апостолы, Петр и пр. Но, спрашивается, что *национального* содержалось в евангельских притчах и заповедях Иисуса Христа, которые он произносил за несколько лет до Распятия? Что специфически иудейского несло в себе Нагорная проповедь? Обращаясь к еврейскому народу, находясь в самой глубине народа, Иисус пользовался понятными здесь образами и апеллировал к почитаемым здесь ценностям. И тем не менее из сказанных Им простых слов, сохранившихся в канонических и апокрифических евангелиях, явственно следует, что с самого начала проповедь Иисуса носила Вселенский, наднациональный характер. Так происходило во все времена и до Иисуса, ибо Осирис, Зороастр, Орфей, Будда также адресовывали свое Учение не какому-то одному народу, но обращались ко всему человечеству. Более того, в сокровенных понятиях их Учения вещали даже не о единстве человеческом, но о беспредель-

¹ Ориген. О началах.

ности мироздания и Единстве Вселенском. Насколько жалкой и тщедушной рядом с этой идеей выглядит любая докрина о национальной избранности! Кажется несомненным, что Вселенским было и Учение Моисея (те самые «разбитые скрижали»), но после многовекового творчества йахвистских переписчиков аргументированно говорить по этому поводу просто невозможно.